

ЗАМЕТКИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-1-268-270

© В. С. Парсамов

ОБ АВТОРСТВЕ СТАТЬИ «ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗВЕСТИЯ ОБ УПОМЯНУТЫХ СТАРИННЫХ ЧИНАХ В РОССИИ» В «ДРЕВНЕЙ РОССИЙСКОЙ ВИВЛИОФИКЕ»*

Авторство анонимно опубликованной статьи «Исторические известия об упомянутых старинных чинах в России» неоднократно становилось предметом выяснения. Первым эту проблему поднял Я. Л. Барсков в неопубликованной до сих пор монографии, посвященной Н. И. Новикову. Учитывая, что статья носит исторический характер, Барсков пытался найти автора среди историков, но, обнаружив упоминание имен М. М. Щербатова и И. Н. Болтина, решил, что «известие не принадлежит ни тому, ни другому по всей вероятности, оно было составлено самим Новиковым».¹ Остается неясным, почему если не Щербатов и не Болтин, то обязательно Новиков? Тем не менее предположение Барскова было поддержано сначала Л. Фридбергом,² затем Ю. М. Лотманом,³ а чуть позже авторство Новикова было закреплено в «Сводном каталоге русской книги XVIII века».⁴

Следует отметить, что Лотмана интересовала не столько проблема авторства статьи сама по себе, сколько возможность приписывать Новикову содержащиеся в ней мысли, в частности решать на ее основе вопрос об отношении Новикова к крепостному праву. По мнению исследователя, автор статьи «оправды-

вает введение крепостного права в России», но при этом «не считает крепостнический вопрос решенным окончательно». Причину этого Лотман видит в отношении к природной сущности человека: «...автор вступает в спор с Руссо, противопоставляя идее врожденно доброго, но извращаемого в обществе человека мысль о коренной испорченности людей, постепенно исправляемых путем просвещения. „Многие на сем вольности пункте останавливаясь, заблуждают, выводя права человека из первобытного состояния природы, и из того заключают, что все люди рождаются вольными и равными. Надобно быть слепу тому, кто в первобытном состоянии природы не усматривает превозмогательной власти, насилий, похищений и преступлений, как обыкновенных следствий неподчиненности“».⁵ Поскольку Лотман не указал, с каким именно произведением или произведениями Руссо вступает автор в спор, то и сам спор следует считать проблематичным.⁶

Интересующая нас статья представляет собой исторический комментарий, сопровождающий публикацию «Послужного списка старинных бояр и дворецких, окольных и некоторых других придворных чинов с 6970 по 7184 (с 1462 по 1676) год».⁷ Этот документ, как следует из описания, поступил к Новикову от вдовы Федора Владимировича Шереметева через ее сына В. Ф. Шереметева. Возможно, покойный Шереметев и был составителем этого списка. Фактически список включает в себя перечень чинов в их историческом развитии от Ивана III Васильевича до Алексея Михайловича включительно. Поскольку с тех пор минуло более ста лет и уже почти пятьдесят лет действовала петровская Табель о рангах, то для читателя потребовался пространный коммента-

* Статья подготовлена по результатам проекта «Перевод и перевод: западная литература в зеркале русской культуры (XVII–XXI вв.)» при поддержке фонда «Гуманитарные исследования» ФГН НИУ «Высшая школа экономики» в 2020–2022 годах.

¹ Барсков Я. Л. Н. И. Новиков. Жизнь и деятельность — биография // НИОР РГБ. Ф. 16. Оп. 2. Карт. 8/3. Л. 171.

² Фридберг Л. Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова в Москве (1779–1792) // Вопросы истории. 1948. № 8. С. 38.

³ Лотман Ю. М. «Сочувственник» А. Н. Радищева А. М. Кутузов и его письма к И. П. Тургеневу // Труды по русской и славянской филологии. VI. Тарту, 1963. С. 292 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 139).

⁴ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1966. Т. 4. Периодические и продолжающиеся издания. С. 129.

⁵ Лотман Ю. М. «Сочувственник» А. Н. Радищева А. М. Кутузов... С. 292.

⁶ Подробнее см.: Общественная мысль России: с древнейших времен до середины XX века: В 4 т. М., 2020. Т. 2. Общественная мысль России XVIII — первой четверти XIX в. / Отв. ред. А. Б. Каменский. С. 445–450.

⁷ Древняя Российская вивлиофика. 2-е изд. 1791. Ч. 20. С. 1–131.

рий. Итак, кто же является автором этого комментария?

Начнем с отрывка, который приводит Лотман: «Оставить первобытную свободу буйной черни есть то же, что пустить диких медведей между людьми». На этом у Лотмана цитата обрывается, а в оригинале следует: «...как то мы видели из вышеприведенных примеров». Этот отрывок взят из комментария к главе 48 «Холопы и крестьяне». Фактически это не комментарий, а небольшое исследование положения крестьян и холопов до крепостного права и их постепенного прикрепления к земле, в результате которого произошло слияние этих социальных групп в одно сословие. В целом автор одобряет введение крепостного права и оправдывает это тем, что «вольность крестьян, толики смутениями и неустройствами отягощавшая Государство, далека ли была от того, чтобы преобразить <sic!> грубых сих людей в мятежных и непослушных?»⁸ И далее следуют примеры из истории Франции: жакерия XIV века, восстание кабошьево в Париже в начале XV века («во время войны внутренней между домами Бурбонским и Орлеанским») и Французская революция. Именно эти факты позволили автору сделать вывод о недопустимости «оставить первобытную свободу буйной черни». Вывод напрашивался сам собой: в России крепостное право предотвратило народные мятежи (недавней пугачевщины как бы не было), а во Франции свобода крестьян порожила восстания и убийства.

Но особый интерес в этой цитате вызывает сравнение «буйной черни» с «дикими медведями». К тому времени медведь в европейской публицистике прочно ассоциировался с Россией.⁹ Начало, видимо, было положено С. Герберштейном, связавшим медведя с холодной русской зимой: «...тогда находили мертвыми на дорогах многих [бродяг (circulatores)], которые в тех краях водят обычно медведей, обученных плясать. [Мало того] и [сами] медведи, гонимые голодом [покидали леса, бегали повсюду по соседним деревням и] врвались в дома; при виде их крестьяне толпой бежали от их нападения и погибали вне дома от холода самую жалкой смертью».¹⁰ Герберштейновский образ медведей,рывающихся в дома русских крестьян, породил множество анекдотов о медведях, встречающихся на улицах Москвы.¹¹ Очевидно, что источник этой фразы следует искать в европейской публицистике. Видимо, ближайшим к нашему автору текстом

было сочинение французского правоведа Беарде де Лабэ, присланное на конкурс, объявленный Вольным экономическим обществом в 1766 году (ответ на вопрос «Что полезнее для общества, чтоб крестьянин имел в собственности землю, или токмо движимое имение; и сколь далеко его права на то или другое имение простираются должны?»).¹² Его идея полностью укладывается в распространенную среди просвещенного дворянства того времени формулу, что крепостное право зло, попривождающее все божественные и человеческие права, но отменять его в России следует не раньше распространения в ней просвещения, так как русские крестьяне пока не готовы к «гражданской жизни», которая «требует великой осторожности, благоразумия и доброго поведения». И далее автор поясняет: «Находясь в обществе законы, обряды, приличности, взаимства, благопристойности и союзы, которыми чистота, искусство и рассудок должны управлять повсечасно. Не безрассудно ли бы было, а иногда и опасно, вывезть посреди сего общества дикого человека, раба незнающего ни сих законов, ни сих обрядов. Не то ли бы самое было отвязать неприученного медведя, и пустить его между людей? Коликим бы бедствиям не подвержено было сие общество? Сей в новое существо преобразенный раб, слепо будет следовать стремлениям своей воли, своих страстей и своих хотений, которым он прежде не знал других препон, кроме снятых с него уз».¹³ В этом отрывке, строго говоря, речь идет не о русских крестьянах, а о диких людях и цивилизованном обществе. Но в контексте всей статьи ясно, что имеется в виду Россия с ее крепостными, символом которой и является неслучайно появляющийся в тексте медведь.

Весь приведенный выше отрывок был процитирован И. И. Голиковым в девятом томе его «Деяний Петра Великого».¹⁴ Однако важно не только установить цитату, тем более что в данном случае Голиков прямо ссылается на источник, но и понять, с какой целью он это делает. Если сопоставить весь обширный комментарий к главе «Холопы и крестьяне» с соответствующими страницами из третьего тома «Дополнений к Деяниям Петра Великого», то станет очевидным, что они написаны одним и тем же человеком. Свою задачу Голиков видит в том, чтобы оправдать Петра I, завершившего процесс закабаления русских крестьян, а значит, любые сомнения в закономерности и необходимости этого процесса Голиков отвергает. Важно подчеркнуть, что вопрос для него заключается не в том, надо или не надо освобождать крестьян (этого он вообще не касается), а в том, надо или не надо их было закабалить.

⁸ Там же. С. 265–266.

⁹ См.: Хрусталева Д. Происхождение «русского медведя» // Новое литературное обозрение. 2011. № 1 (107). С. 137–152.

¹⁰ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 130.

¹¹ Isačenko A. V. Herbersteiniana I. Siegmund von Herbersteins. Russlandbericht und die russische Sprache des XVI Jahrhunderts // Zeitschrift für Slawistic. 1957. Bd II. Hf. 3. S. 323.

¹² Труды Вольного экономического общества. 1768. Ч. 8. С. 1–60.

¹³ Там же. С. 37.

¹⁴ Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. М., 1789. Ч. 9. С. 448–449.

Аргументы в пользу положительного решения этого вопроса Голиков видит в истории Франции, где мятежи и смуты устраивал «свободный» народ. Действиям французских королей, не способных противостоять анархии, он противопоставляет мудрую политику русских правителей от Бориса Годунова до Петра I, направленную на закабаление крестьянства и усмирение народных страстей. Образ медведя понадобился Голикову для того, чтобы переадресовать его французам. Не закабаленный русский народ, живущий в мире и согласии, а «свободные» французы, устраивающие резню в своей земле, уподобляются им дикому животному, пушенному среди людей.

Не только раздел «Холопы и крестьяне», но и значительная часть «Исторического известия» принадлежит перу Голикова, что со всей очевидностью вытекает из простого сопоставления текстов «Известий» и соответствующих страниц девятого тома «Деяний Петра Великого» и третьего тома «Дополнений» к ним. Если непосредственное отношение Голикова к «Историческим известиям...» доказывается текстуально и не вызывает сомнений, то степень участия в этой статье Новикова еще необходимо установить. Текст Голикова при публикации в «Вивлиофике» подвергся существенной трансформации. Во-первых, изменилась структура. В «Дополнениях к Деяниям» материал излагается непоследовательно и представляет собой скорее исторический нарратив, чем собрание словарных статей. Во-вторых, из пятидесяти двух статей, составляющих «Исторические известия...», только восемь текстуально без всяких изменений повторяют текст Голикова: «Комнатные дворяне», «Думный генерал», «Казенный казначей», «Подключник», «Столовые приказчики», «Стряпчие дворцовые», «Холопы и крестьяне», «Чарошник». Двадцать восемь статей подверглись редакторской правке различной степени: от незначительных сокращений или дополнений до коренной переработки. Четырнадцать статей были написаны заново: «Жильцы», «Засечные сторожи», «Знакомцы», «Знаменщики», «Копюший», «Конюшенный казначей», «Печатник», «Пушкари», «Рассыльщики», «Спальники», «Стряпчие», «Стряпчие с ключом», «Укладчий», «Чашник». Возникает вопрос, вносил ли все эти изменения сам Голиков, или же всю эту работу проделал Новиков?

1790–1791 годы — время интенсивной работы Голикова над дополнительными томами к «Деяниям Петра Великого». За эти два года вышло семь томов. Было ли у автора время на кардинальную переработку уже написанного им текста и значительные дополнения, требующие новых изысканий? Но дело не только в этом. В двух случаях вносимая правка затронула не только фактическую, но и идеологическую сторону.

Первый случай — статья «Боярин». В ней убрана имеющаяся у Голикова важная цитата из Г. Ф. Миллера, опровергающая мнение, «якобы Бояре от самодержавной Государевой власти в законодательстве нечто заимствовали». ¹⁵ Также исключено место, где речь идет о боярском правлении (семибояршине) со ссылкой на Татищева, что «происшедшие от такового правления бедствия вразумили бояр и весь народ, коль пагубно в России таковое ограниченное власти Государя правление». ¹⁶ Таким образом редактор снял вопрос о традиционной неограниченности самодержавия на Руси. Была ли это уступка исторической правде, или же за этим скрывалась иная политическая позиция? Скорее всего, и то и другое. В условиях усилившегося давления Екатерины II на Новикова и его масонское окружение такая редакция звучала как полемика с Голиковым по поводу произвольного характера самодержавной власти.

Второй случай — статья «Стрельцы». У Голикова отношение к стрельцам однозначно отрицательное без каких-либо хронологических ограничений: «Сие самое войско было более государству вредно, нежели неприятелям, и все истинные Россияне ненавидели оное за его развратность и наглость; никто из хороших родов Дворянских не только не хотел служить в оном и быть их Полковниками, но и мерзили оными, почитая то роду своему в бесчестье, не смотря на то, что места стрелецких Полковников были самые прибыточнейшие по вольностям, как позволенным им, так и наглостию присвоенным». ¹⁷ Таким образом, петровскую точку зрения Голиков распространяет на весь период существования стрельцов, начиная с эпохи Ивана Грозного.

В «Вивлиофике» роль стрельцов во времена петровской юности трактуется также отрицательно: «Стрельцами же в малолетие Петра Великого приведено было Государство ко краю своей погибели; сброд людей без военной науки и без дисциплины, ко всяким вольностям привыкший, не мог себе приобрести почтения; всенародное на них негодование простиралось и до их начальников». ¹⁸ Но в целом в отношении стрельцов преобладает более взвешенная историческая оценка. Если у Голикова и могло найтись время на переработку отдельных статей, то ни из чего не следует, что его политические взгляды за это время существенно изменились. Это позволяет говорить о Новикове не только как о редакторе, но и как о возможном соавторе статьи.

¹⁵ Голиков И. И. Дополнения к деяниям Петра Великого. М., 1790. Ч. 3. С. 330–331.

¹⁶ Там же. С. 332.

¹⁷ Там же. С. 358.

¹⁸ Древняя Российская вивлиофика. Ч. 20. С. 234.